

VARIA GALLICA ET PSEUDO-GALLICA¹

В статье рассматриваются три надписи из южной Галлии. Надпись из Веллерона имеет большое значение для анализа многоязычия в этом регионе. Как показывает исследование, предложенные интерпретации содержащихся в ней личных имен не являются исчерпывающими. Надпись на кабаньем клыке из департамента Буш-дю-Рон, выполненная вариантом этрусского письма, может быть галльской, а не лепонтийской, как считают ее издатели. Граффити из Энтремона, вопреки мнению ряда исследователей, не содержит галльских антропонимов.

Ключевые слова: эпиграфика, континентальный кельтский, ономастика, языковые контакты.

I. Надпись из Веллерона

Недавно найденная в Веллероне (департамент Воклюз, юго-восток современной Франции) надпись на стеле представляет интерес как для исследования собственно галльского языка, так и для изысканий по установлению языковой ситуации в Южной Галлии в античности. Написанный греческим алфавитом текст датирован М. Батом второй половиной первого века до нашей эры (Bats 2011: 222). Надпись была издана практически одновременно М. Батом (Bats 2011: 222–225) и А. Муллен (Mullen 2013: 183–189); британская исследовательница, впрочем, сумела включить в свое издание ряд комментариев к интерпретации М. Бата. Оба исследователя приводят фотографию надписи, которая непротиворечиво читается как

ΚΑΕΙΟΥΣ | ΙΝΔΟΥΤΙΑ | Ο | ΣΑΜΟΛΑ | ΤΙCΑΝΕ | ΚΤΙΑ | ΟΥΑΛΗΤΕ

Как Бат, так и Муллен отметили наличие в этом тексте латинского глагола, ΟΥΑΛΗΤΕ = *ualēte*, с использованием эты для передачи долгого [e:]. Некоторые разногласия в интерпретации надписи вызвал анализ представленных в ней личных имен. Нет сомнений, что первое имя – это латинское Caius, однако второе имя в этой надписи несколько проблематично. При том, что оно несомненно является галльским, его этимология – несмотря на неоднократные попытки предложить тот

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00351.

или иной подход к его предыстории – остается проблематичной, см. Falileyev, в печати. Однако основной проблемой его интерпретации остается связь с предыдущим именем. А. Муллен (Mullen 2013: 185–6) обоснованно полагает, что имя стоит не в дательном падеже, а в именительном, и пытается объяснить отсутствие ожидаемого финального *-s*. Она отвергает возможность того, что это *-s* мы находим в следующей строке – имя *Samolatis* нуждается в начальной сигме, а **Amolatis*, с её точки зрения, трудно объяснить. В действительности, антропоним *Samolat-*, похоже, неизвестен (см. Delamarre 2007 и Raybould, Sims-Williams 2009), хотя его компоненты известны в других комбинациях, и Муллен (Mullen 2013: 186–7) тщательно рассматривает различные варианты его анализа. Что же касается **Amolatis*, то возможность существования галльского **amo-* и его наличие в личных именах уже рассматривались в литературе, см. Falileyev 2013: 4–5 и подборку форм в Delamarre 2007: 20. Гаплография в данном случае также оказывается вполне вероятной, и, действительно, именно так объясняет отсутствие финального *-s* в *INΔΟΥΤΙΛΟ Μ. Βατ* (Bats 2011: 223). Никто из исследователей не ставит вопрос об ошибке резчика, «забывшем» о финальной сигме, или даже ипсилоне, что позволило бы объяснить эту форму как оформленный по правилам греческой грамматики генитив, что может быть, в свою очередь, приемлемым для галло-греческой эпиграфики в этом регионе.

Муллен, однако, исходит именно из формы *INΔΟΥΤΙΛΟ* и пытается объяснить исчезновение финального *-s*, отмечая, что исследователи указывали на подобное явление при анализе поздних галльских текстов (ссылаясь на работу Lambert 2003: 47), и полагает, что оно могло быть засвидетельствовано в более ранний период. Это отнюдь не так – как показал Д. Штифтер в специально посвященной этой проблематике статье, в раннем галльском – а именно к этому периоду и принадлежит рассматриваемая надпись из Веллерона – конечный сибилант сохранялся, особенно в «высоком регистре», к которому принадлежит и язык эпитафий (Stifter 2012: 533–534). Хотя Штифтер в недавней статье существенно пересмотрел свои взгляды на судьбу финального *-s* в галльском языке следующего периода его истории (Stifter 2013: 169–171), эти новые выводы могут быть приложены к интерпретации ранней надписи из Веллерона лишь весьма условно. Действительно, Д. Штифтер ныне полагает, что ослабление и исчезновение финального *-s* в галльском началось уже на первом зафиксированном этапе его развития. Однако

исследователь связывает это явление на данной стадии истории языка с «длинными формами» (дательный и инструментальный падеж множественного числа, Stifter 2013: 169), к которым рассматриваемый пример не относится. Таким образом, наши сведения об исторической фонетике галльского не позволяют, на первый взгляд, реконструировать здесь номинатив с падением финального *-s*. А. Муллен, впрочем, выбирает более экономичный вариант обсуждения: она ссылается на недавно найденное граффито INΔΟΥΤΙΛΟ из Буш-дю-Рон и считает, что «потеря /s/ в этом имени (и, возможно, других) стало нормой по неизвестным для нас причинам».

В этой связи следует обратить внимание на недавно найденную и только что опубликованную галльскую таблицу из Шартра, в которой содержится целый ряд личных имен. Преимущественно они представлены формульным сочетанием антропонима с патронимиком в родительном падеже, напр. *Vatumaros Senouiri* (V. сын S.), однако в этом тексте мы встречаем – достаточно неожиданно – *Cantognatus Virato*. Несомненно, форма *Virato* не может быть генитивом, и имеется несколько возможностей ее интерпретации вне зависимости от изначального происхождения этого имени, о чем см. Stüber 2013: 161 и 163, а также статью Л. Репаншека в этом же томе. Так, К. Штюбер предлагает видеть в нем форму номинатива *n*-основы и ссылается на зафиксированное имя (nom.) *Virato* (Stüber 2013: 163). Приводимая швейцарской исследовательницей пара *Virato* и гипокористическое *Viratilus* (см. также ссылки на их аттестации в Delamarre 2007: 201) позволяет задуматься о возможности существования *Indutilo* (*n*-основа) при известном *Indutillus* (монетная легенда). Однако в галло-греческом номинатив *n*-основ засвидетельствован исключительно с окончанием *-ου*, ср. κοινου, δολου (Lambert 2003: 62, об общекельтск. **ō* см. Sims-Williams 2007: 315–316), и в таком случае мы должны вновь постулировать ошибку резчика, забывшего о финальном ипсилоне. Объяснение этой формы из надписи из Веллерона вряд ли может быть связано с «латинским фактором» (ср. ΟΥΑΛΗΤΕ = *ualēte*, о чем см. ниже), так как в этом случае, скорее всего, лат. /*ō*/ было бы передано с помощью омеги, а не омикрона. В любом случае, приведенная выше аттестация из Буш-дю-Рон остается энигматичной.

Наблюдения касательно отсутствия финального *-s* в номинативах латинских имен в надписи из Шартра (Stüber 2013: 164) и любопытные комментарии синтагматического плана в этой

связи Д. Штифтера (Stifter 2013: 171) к интерпретации рассматриваемой надписи, как представляется, не приложимы. Возможно, впрочем, что выше указанное предположение Д. Штифтера о падении финального *-s* в «длинных (грамматических) формах» может распространяться и на «длинные» (многоморфемные) слова. В этой связи следует отметить, что в галльском корпусе количество относящихся к *n*-основам существительных ограничено, особенно в *nom. sg.*, и многосложные слова с окончанием в номинативе единственного числа *-ī* (< *ō*) могут относиться к другим основам или вообще быть не галльскими, см. Stüber 1998: 108. Если предложенная гипотеза имеет право на существование, то важнейшим фактором этого изменения может стать галльская акцентуация, сам по себе сложный и не до конца решенный вопрос (см. Schrijver 1995: 20–21 и Lambert 2003: 48), ср. в этой связи традиционный пример двоякого отражения галльского этника в современной французской топонимике, *Bitúrīges* > *Bourges* и *Biturīges* > *Berry*. Действительно, целый ряд «аномалий» в фонетике галльского языка был рассмотрен П. де Бернардо Штемпель именно в увязке с ударением, см. De Bernardo Stempel 1995: 16–22, где, между прочим, упоминается и вопрос о редукции в финальных слогах. Очевидно, впрочем, что крайне ограниченное количество многосложных слов в галльском (не считая сложных имен), особенно на его самом раннем этапе (о периодизации галльского см. недавно Stifter 2012: 523–527), не позволяет настаивать на такой гипотезе.

Муллен приходит к выводу, что *INDOYTILO* выступает в качестве *nomem*, а *KAETIOC INDOYTILO* представляет собой имитацию латинской формулы, и в самой надписи упоминаются два индивидуума, второй из которых, соответственно, представлен именем *SAMOLATIS ANEKTIA*. Британская исследовательница уверена, что перед нами женское имя, и, действительно, сопоставление с *Boudlilatis Lemisunia* (об этом женском имени см. подробно Stüber 2005: 52 и сл.) весьма уместно. С точки зрения М. Бата, другая возможная интерпретация позволяет видеть в этом тексте также двух индивидуумов, *Caios Indoutilos Samolatis* и *Anectia* (Bats 2011: 224). *Samolatis*, в таком случае, является именем мужского рода, ср. в этой связи антропонимы *Escengolatis* и *Τανκολατις* (Evans 1967: 216); ссылки на аттестации галльск. *Anecta*, *Anectio*, *Anexta*, *-ia*, см. в Delamarre 2007: 22. И Бат, и Муллен указывают на существующие параллели как для одного, так и для иного чтения надписи, однако, как представляется, обе гипотезы имеют право на сущест-

зование, ср. также наблюдения К. Штюбер (Stüber 2013: 161) по поводу сосуществования различных формул наименования в одном тексте в связи с интерпретацией таблички из Шартра. Как мы видим, сегментация имен в этой надписи, таким образом, допускает, по крайней мере, два возможных чтения. Более того, как было показано выше, даже чтение отдельных антропонимов в этой надписи допускает различные интерпретации (*Indutilos* vs *Indutilo*, *Samolatis* vs *Amolatis*), и тем самым самое последнее издание этого текста не является окончательным.

Несомненным остается чтение ΟΥΑΛΗΤΕ (= *ualēte*), что немаловажно для текста, содержащего лат. КАЕΙΟΣ (= *Caius*), однако интерпретация латинского глагола в греческой графике остается дискуссионной. Впрочем, М. Бат (*loc. cit.*) ограничивается в этой связи достаточно общими соображениями, суть которых сводится к тому, что появление его в тексте следует ассоциировать не с гравером, а заказчиком надписи. Гораздо большее внимание этой проблеме уделяет А. Муллен (Mullen 2013: 188–189). Британская исследовательница полагает, что *uale* не может быть «формульной» частью надписи в эпиграфике региона, так как латинские надписи Нарбонской Галлии насчитывают всего лишь шесть примеров его употребления, при значительно более частотном использовании χαῖρε в греческих надписях региона. Муллен отмечает греческие параллели и ссылается на известное исследование П. Почетти (Rocchetti 2010: 106), в котором отмечено значительное количество латинских надписей (начиная с позднеимператорского периода) с *vale* («разговорный» элемент в эпиграфике). Муллен полагает, что самое вероятное объяснение этой смены кода в надписи состоит в том, что «галльский автор выбрал латинский глагол, но выбрал тот, который был знаком ему, скорее благодаря контакту с италийцами, чем просто формулу, стандартную для латинских эпитафий». Использование эты для передачи долгого /e/ примечательно – дело в том, что в галло-греческих надписях она используется и для передачи краткого /e/, ср. νεμητον /*nemeton*/. Оставляя в стороне варианты интерпретации этого явления с точки зрения галльской исторической фонетики (о чем см. McCone 1996: 7), необходимо отметить знание латинской фонетики автором этой надписи.

Как отмечает П. Почетти, «тенденция как у греков, так и у римлян использовать в отношении умерших выражения, употребляемые в повседневной жизни, является парадоксальной» (Rocchetti 2010: 107). Примечательно, что в «галло-греческой»

надписи из Веллерона используется именно латинский, а не греческий, как этого можно было бы ожидать, глагол. Следует в этой связи учесть, это же латинское слово – вместе с формулой – было заимствовано в оскский, где оно (ср. $\sigma\alpha\lambda\alpha\varsigma\varsigma$. $\rho\alpha\lambda\epsilon$ = лат. *salvus vale*) также используется в похоронных контекстах, см. Campanile 2008: 903–904. С учетом того, что современная интерпретация распространенной только в «галло-греческом» формулы $\delta\epsilon\delta\epsilon\beta\rho\alpha\tau\omicron\upsilon\delta\epsilon\kappa\alpha\tau\epsilon\mu$ принимает во внимание соответствующие оскские данные (Lambert 2003: 88–89, подробный анализ в Mullen 2013: 179–219), то, как представляется, в дальнейших исследованиях надлежит уделить внимание не только данным оскско-умбрских языков, но и наблюдениям по поводу социолингвистической ситуации в южной и центральной Италии. Подобное исследование не сможет не поспособствовать лучшему пониманию лингвистических и культурных процессов в южной Галлии этого периода, и, вероятно, конкретизировать достаточно аморфное и расплывчатое понятие «средиземноморского койне» (см. Campanile 2008: 877–884 и Mullen 2013, *passim*), повлиявшего на формирование «галло-греческого».

II. Надпись на кабаньем клыке из Археологического музея в Истре

В самом начале нового тысячелетия один из экспонатов небольшого Археологического музея в Истре (департамент Буш-дю-Рон) оказался в центре внимания исследователей. Кабаний клык длиной в 8,5 см содержит надпись, выполненную этрусским алфавитом, и эта надпись была впервые опубликована в 2013 г. (Markey, Egetmeyer, Muller 2013). Согласно этому исследованию, текст является лепонтийским, и его следует читать как

EŚUITORANEI

Интерпретация текста, согласно авторам этого исследования, оказывается достаточно прозрачной: в нем содержится два теонима (Esos и Toranis) в формах дательного падежа единственного числа, причем, как специально отмечается в работе, порядок их следования соответствует так называемому закону Бехагеля. Действительно, теонимы Esus и Taranis хорошо зафиксированы в галльском корпусе, и исследователи приводят подробно комментированное досье этих аттестаций (Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 128–132). Так, *eśui* надписи сопоставимо с приводимым в этой подборке дативом от этого же теонима, как,

возможно, [...]ezuiiχaiz из Камуно (однако см. Morandi 2003: 46–47, где форма рассматривается как антропоним), и, конечно же, эта форма дательного падежа *o*-основ хорошо известна в лепонтийском корпусе, напр. *PelKui* (Веригате), *meTalui*, *Tel/riaiui* (Тикино), приведенные примеры датируются ранне-лепонтийским периодом и цитируются по работе Uhlich 1999. Упомянутая авторами надпись из Дюрнберга (Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 129), впрочем, остается достаточно сомнительной, см. подробно Stifter 2012a: 294–298. С точки зрения же морфологии, можно отметить в этой связи и лепонтийский погребальный текст начала IV в. (Тикино), *Teromui : Kualui*, обычно переводимую как ‘Терому сыну К. (или Г.)’. Формульность надписи, если она действительно начертана на талисмানে, не вызывает сомнений (ср. галльск. βαλανδοῦ μακκαρίου и подобн., см. Lambert 2003: 84 и сл.), и находит множество параллелей в различных традициях.

Авторы этой публикации рассматривают этот текст как лепонтийский, похоже, преимущественно исходя из графических особенностей использованного в надписи варианта этрусского алфавита. Единственный собственно лингвистический аргумент авторов в пользу лепонтийской атрибуции памятника представлен при анализе формы *Toranis*. Сопоставление с неоднократно зафиксированным галльским *Taranus*, Ταράνου (dat. sg.), и т. д. уместно заставляет их вспомнить об известном развитии **/oRa/ > /ara/* в кельтских языках, отмеченном в галльском и бриттском (ср. валл. *taran* ‘гром’), но неизвестном в гойдельском (др.-ирл. *toronn* ‘id.’). Исследователи полагают, что надпись на клыке отражает лепонтийское состояние, сходное с гойдельским и отличное, тем самым, от галльского. Однако, как представляется, на это можно взглянуть и по-иному. Как предположил в своё время П. Схрайвер, переход **/oRa/ > /aRa/* в галльском можно рассматривать как достаточно позднее явление. Голландский исследователь осторожно датирует это развитие в галльском последними веками до нашей эры (Schrijver 1995: 464), и надпись на клыке, таким образом, может содержать более раннюю форму галльского теонима, тем более, что авторы твердо уверены, что этот текст совершенно точно можно датировать временем ранее III в. до н. э., а судя по эпиграфическим особенностям и более ранней эпохой (Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 128). Следует также не забывать, что именно в более поздней огласовке (*Tarani*) мы находим этот теоним в одной из ретских надписей (см. Morandi 2003: 38 с библиографией).

С точки зрения морфологии также не существует препятствий рассматривать этот текст как галльский. Теоним *Taran-* относится в галльском к *и*-основам, однако в поэме Лукана мы действительно находим форму *Taranis* (*i*-основа); как показал П.-И. Ламбер, соотношение этого корня именно с *и*-основами подтверждается составными именами типа *Taranu-cnos* ‘сын Т.’ (Lambert 2003: 89). В реальности, мы не можем быть уверены в том, к какому типу основ относится теоним на рассматриваемой надписи, и в нашем распоряжении нет ни одной формы лепонтийского датива *и*-основ. Что же касается датива *i*-основ, то в литературе (с некоторыми сомнениями) действительно считается, что соответствующим окончанием является *-ei*, ср. также приводимую в этой связи форму *sunalei* (Тикино). В принципе, окончание дательного падежа единственного числа *-ei* хорошо засвидетельствовано в кельтских языках; см. в этой связи Sims-Williams 2007: 313–315, где рассматриваются немаловажные проблемы судьбы **ei* в кельтском и приводится дальнейшая библиография. Что же касается собственно галльского материала, то окончанием дательного падежа единственного числа *i*-основ является *-e* (кρείτε, *Ucuete*, см. Lambert 2003: 61), однако существуют некоторые данные, помимо собственно историко-лингвистических наблюдений, которые позволяют сделать предположение о возможной фиксации окончания *-ei*, Evans 1967: 426–27. Таким образом, если теоним в надписи в действительности принадлежит к *i*-основам, галльская морфологическая интерпретация его также становится вполне возможной.

Что же касается формы датива единственного числа *о*-основ, то все континентальные кельтские языки указывают на *-ui*, ср., напр., кельтиберск. *ueizui*. Несомненно, что мы находим аналогичные формы в лепонтийском (см. примеры выше), и в галльском мы также находим *-ui* (βαλανδουι) и *-u* (*Magalu*), см. Lambert 2003: 53 и большую подборку примеров в Evans 1967: 423–424. В связи с этим также следует обратить внимание и на недавнюю попытку А. Муллен (Mullen 2013: 176–177) объяснить формы датива на *-o* и *-ω* *о*-основ в «галло-греческом». Таким образом, как представляется, у нас нет никаких весомых причин не рассматривать и эту морфологическую форму в надписи на кабаньем клыке как собственно галльскую, а не лепонтийскую. Впрочем, следует отметить, что написание теонима *eúui* в этом памятнике также может вызвать ряд вопросов в связи с использованием знака *сан*. Исследователи отмечают, что

Д. Штифтер в своём известном исследовании полностью отрицал наличие этого знака, характерного для этрусских и ретских надписей, в лепонтийском, однако используют выводы нескольких итальянских специалистов, согласно которым этот знак характерен для ранней фазы лепонтийского, см. Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 125–126 с библиографией. Возможно, к этой проблеме следует вновь обратиться, однако следует поставить единственный вопрос – а уместно ли применение знака *сан* в передаче этого кельтского теонима. С точки зрения издателей надписи, *сан* ожидаемо передаёт звук, сопоставимый с тем, что в галльском ассоциируется с т. н. ‘*taû Gallicum*’ (см., напр., Evans 1967: 410–420 или Lambert 2003: 46). Однако этимологическое объяснение, приводимое авторами, основывается только на этом примере и данных так называемых «ретских вотивных надписей» (Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 128–131). Кельтская лингвистическая атрибуция последних вызывает очень сильные сомнения, и абсолютно точно этот корпус нуждается в особом внимании. Более того, мы находим аналогичные формы и в собственно некельтских надписях Северной Италии, см. Morandi 2003: 46. Что же касается более десятка случаев неоспоримо кельтских свидетельств, то ни одно из них не содержит ни ‘*taû Gallicum*’, ни каких-либо собственно лингвистических оправданий для его присутствия (о чем см. Sims-Williams 2007: 338–339). См. также в этой связи другие этимологические объяснения теонима в Evans 1967: 201–202 и там же ссылки на исследования самого божества, из недавних работ см. Häussler 2012: 149 и сл. Таким образом, возможны сомнения и в собственно правильности интерпретации *e’sui* в этой надписи.

Весьма важным является то, что издатели текста настаивают на местном происхождении этой надписи, а не на импорте этого объекта с территорий, населенных лепонтийцами. В этой связи следует указать на значительное количество публикаций, посвященных анализу надписей на различных языках (в том числе и на кельтском), записанных различными вариантами этрусского алфавита на территории южной Галлии. Объяснения их появления могут быть различны (см. великолепное исследование de Noz 2008 и ср. обзор проблематики в Bats 2011: 204–210), однако то, что этрусским алфавитом в этом регионе записывали собственно галльские тексты, не может вызывать сомнения. С другой стороны, нельзя забывать и о том, что известная т. н. «билингва из Тоди», содержащая галльский текст в этрусской записи, найдена вдали от мест, где население говорило по-

галльски в Италии, т.е. на севере полуострова – в Умбрии (Lambert 2003: 76–78). Следует также отметить, что граффити, выполненные «лепонтийским» вариантом этрусского алфавита, исследователи находят на значительном удалении от собственно лепонтийских территорий, например, на северо-востоке современной Франции, в департаменте Марна (Olivier, Markey 2010).

Впрочем, если интерпретация этого памятника правильна, он не содержит лингвистически выделяемого лепонтийского материала, и может легко быть интерпретирован как галльский. В этой связи можно только лишний раз напомнить, что многие современные исследователи не рассматривают лепонтийский в качестве отдельного континентального кельтского языка (так, к примеру, Uhlich 1999, Lambert 2003: 21–22 и Sims-Williams 2007: 331), но видят в нем (ранний) территориальный диалект галльского (напр. McCone 1996: 5). С другой стороны, постоянная ссылка именно на характерный для лепонтийцев вариант этрусского письма при анализе указанных надписей ставит перед исследователями более широкий круг вопросов. При этом, однако, сам характер этих надписей заставляет ставить вопрос и о том, в действительности ли мы имеем дело с целенаправленно написанными текстами, см. в этой связи Stifter 2012a и другие работы этого автора по проблеме, изящно сформулированной в заглавии указанной статьи.

III. К интерпретации надписи из Энтремона

В уже упоминавшейся выше статье М. Бата упоминается надпись латинскими буквами на фрагменте керамики из Энтремона, датированной первым веком до н.э. Французский исследователь, с некоторыми колебаниями, полагает, что эта надпись содержит личное имя *Balomarrius* (также *Balomarius*), Bats 2011: 220. В принципе, этот антропоним допускает кельтскую (галльскую) лингвистическую интерпретацию, см. в этой связи по поводу Βαλλομάριος Evans 1967: 148 и приведенную там библиографию. Примечательно, впрочем, что мы не находим имени Βαλλομάριος в недавнем компендиуме кельтских антропонимов (Delamarre 2007). Однако в рецензии на сборник, в котором помещена статья Бата, П.-И. Ламбер высказал свои сомнения по поводу предложенного чтения. Согласно Ламберу, помещенная в статье фотография позволяет прочесть этот фрагмент как *bal. mardius*, см. Lambert 2013: 319.

Все, что связано с интерпретацией этой надписи не может не вызывать удивления: в нашем распоряжении уже более полу-

века имеется великолепное чтение этого памятника (Benoît 1968: 25 и 27), снабженное отличной фотографией объекта и прорисовкой надписи. Согласно Бенуа, эту выполненную латинским курсивом надпись (с использованием греческих букв) следует читать как BAL. MARDIUS. HR. CV...BAL. В комментарии к прорисовке исследователь читает, однако, конец этой надписи как ...TBAL, и именно это чтение не вызывает никаких сомнений. Впрочем, это непонятное мне разночтение не ставит под сомнение правильность чтения начала надписи, а также и ее интерпретации, Bal(bus ?) Mardius. Тем самым, вопрос о кельтском происхождении антропонима на фрагменте керамики из Энтремона даже не должен ставиться.

Литература

- Bats 2011 – M. Bats. Emmêlements de langues et de systèmes graphiques en Gaule méridionale (VIe – Ier siècle av. J.-C.) // *Contacts linguistiques dans l'Occident méditerranéen antique*. Madrid: Casa de Velázquez, 2011. P. 197–226.
- Benoît 1968 – F. Benoît. Résultats historiques des fouilles d'Entremont 1946–1967 // *Gallia*. 1968. T. 26, 1. P. 1–31.
- Campanile 2008 – E. Campanile. *Latina & Italica: scritti minori sulle lingue dell'Italia antica*. T. 2. Pisa, Roma: Fabrizio Serra Editore, 2008.
- De Bernardo Stempel 1995 – P. De Bernardo Stempel. Gaulish accentuation: results and outlook // *Hispano-Gallo-Brittonica*. Cardiff: University of Wales Press, 1995. P. 16–32.
- de Hoz 2008 – J. de Hoz. A Celtic personal name on an Etruscan inscription from Ensérune, previously considered Iberian (MLH B.1.2b) // *Celtic and other languages in Ancient Europe*. Salamanca: Ediciones Universidad, 2008. P. 17–27.
- Delamarre 2007 – X. Delamarre. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris: Errance, 2007.
- Evans 1967 – D. Ellis Evans. *Gaulish Personal Names*. Oxford: Clarendon Press, 1967.
- Falileyev 2013 – A. Falileyev. *The Celtic Balkans*. Aberystwyth: CMCS.
- Falileyev, в печати – A. Falileyev. Gaulish word for 'thin' and some personal names from Roman Siscia.
- Häussler 2012 – R. Häussler. Interpretatio indigena. Re-inventing local cults in a global world // *Mediterraneo Antico* 2012. T. 15, P. 143–174.
- Lambert 2003 – P.-Y. Lambert. *La langue gauloise*. Paris: Errance, 2003.
- Lambert 2013 – P.-Y. Lambert. [Rev.] *Contacts linguistiques dans l'Occident méditerranéen antique* // *Études Celtiques*. 2013. 39, P. 318–319.
- Markey, Egetmeyer, Muller 2013 – T. L. Markey, M. Egetmeyer, J.-C. Muller. The boar's tusk of Istres (Bouches-du-Rhône): a Lepontic talismanic inscription // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 2013. Bd. 60. P. 117–140.
- McCone 1996 – K. McCone. *Towards a Relative Chronology of Ancient and Medieval Celtic Sound Change*. Maynooth, 1996.

- Morandi 2003 – A. Morandi. Nuove prospettive per le lingue preromane della cerchia alpina // *Bollettino Storico Alta Valtellina*. 2003. T. 6. P. 29–47.
- Olivier, Markey 2010 – L. Olivier, T. Markey. Un graffiti en caractères lépontiens du Ve siècle av. J.-C. provenant de la nécropole gauloise de Montagnesson à Bergères-les-Vertus (Marne) // *Antiquités nationales*. 2010. T. 41. P. 37–50.
- Pocchetti 2010 – P. Pocchetti. Greeting and farewell expressions as evidence for colloquial language: between literary and epigraphical texts // *Colloquial and Literary Latin*. Cambridge: University press, 2010. P. 100–126.
- Raybould, Sims-Williams 2009 – M. E. Raybould, P. Sims-Williams. Introduction and Supplement to the Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names. Aberystwyth: CMCS, 2009.
- Schrijver 1995 – P. Schrijver. Studies in British Celtic Historical Phonology. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1995.
- Sims-Williams 2007 – P. Sims-Williams. Common Celtic, Gallo-Brittonic and Insular Celtic // *Gaulois et Celtique Continentale*. Genève: Droz, 2007. P. 309–354.
- Stifter 2012 – D. Stifter. Lenition of *s* in Gaulish? // *The Sound of Indo-European*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press. 2012. P. 523–544.
- Stifter 2012a – D. Stifter. Inscriptiones Pseudocelticae. Wrong and premature ascriptions of inscriptions as Celtic // *Interpretierte Eisenzeiten*. Linz: Oberösterreichisches Landesmuseum, 2012. P. 293–301.
- Stifter 2013 – D. Stifter. Comments on the Chartres text, with a special attention on vowel-final forms // *Études Celtiques* 39, 2013. P. 169–180.
- Stüber 1998 – K. Stüber. The Historical Morphology of *N*-stems in Celtic. Maynooth, 1998.
- Stüber 2005 – K. Stüber. Schmied und Frau. Studien zur gallischen Epigraphik und Onomastik. Budapest: Archaeolingua, 2005.
- Stüber 2013 – K. Stüber. Remarks on the personal names // *Études Celtiques* 39, 2013. P. 161–167.
- Uhlich 1999 – J. Uhlich. Zur sprachlichen Einordnung des Lepontischen // *Akten des zweiten deutschen Keltologensymposiums*. Tübingen: Niemeyer, 1999. P. 277–304.

A. I. Falileev. *Varia Gallica et Pseudo-Gallica*

This article discusses three inscriptions from Southern Gaul. The recently found Gaulish inscription from Velleron indeed betrays linguistic contacts, and it becomes a valuable testimony about the linguistic situation in this area of Gaul at the time. Several new interpretations of the personal names this important document contains are offered. The inscription on the boar's tusk from Istres (Bouches-du-Rhône) has been treated as Lepontic, but (if indeed genuine) may well be Gaulish. And, finally, the graffiti from Entremont does not contain Celtic personal names as was previously assumed.

Key-words: epigraphy, Continental Celtic, onomastics, language contacts.